

критиков и читателей, вершина творчества Б. Акунина уже позади, Л. Юзефович по-прежнему держит своих читателей в напряжении, заставляя гадать, в каком жанре и в какую сторону света занесёт писателя в следующий раз.

Библиографические ссылки

1. Акунин Б. Азazelь [Текст] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 1998. – 334 с.
2. Акунин Б. Алмазная колесница [Текст] / Борис Акунин. М.: Захаров, 2004. – 720 с.
3. Акунин Б. Коронация, или Последний из романов [Текст] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2003. – 398 с.
4. Иваницкая Е. «Все связано со всем»: [электронный ресурс] / Е. Иваницкая. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/7/ivan.html>.
5. Иваницкая Е. Комбинаторика возможных событий: [электронный ресурс] / Е. Иваницкая. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200203515>.
6. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920 – 2000-х годов / М. Липовецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – ххix+848 с.
7. Селезнёва Е. Буддисты, сатанисты и революционеры: [электронный ресурс] / Е. Селезнёва. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://zveroboy.narod.ru/test/base/2004/09/11/stn-motivation.htm>.
8. Юзефович Л. Князь ветра [Текст]: Приключения сыщика Ивана Дмитриевича Путилина / Леонид Абрамович Юзефович. – М.: Вагриус, 2001. – 301 с.
9. Юзефович Л. Костюм арлекина [Текст]: Приключения сыщика Ивана Дмитриевича Путилина / Л. А. Юзефович. – М.: Вагриус, 2001. – 270 с.
10. Юзефович Л. Литература — это не ремесло, но это и не искусство: [электронный ресурс] / Л. Юзефович. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://www.litrossia.ru/archive/65/person/1526.php>.

Надійшла до редколегії 27.04.2011

УДК 821.161.1 – 4.09

Ю. В. Коновальчук

г. Днепропетровск

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

Аналізуються художньо-документальні нариси російської літератури середини XIX ст.

Ключові слова: І. Гончаров, нариси «Фрегат “Паллада”», Китай, китайці, специфіка художньої типізації.

Анализируются художественно-документальные очерки русской литературы середины XIX в.

Ключевые слова: И. Гончаров, очерки «Фрегат “Паллада”», Китай, китайцы, специфика художественной типизации.

The fictional and non-fiction essays in Russian literature of the mid XIX c. are under consideration.

Key words: I. Goncharov, «Man-of-war “Pallada”» («Frigate “Pallada”»), China, Chinese, fictional typization specificity.

Русско-китайские отношения имеют свою давнюю, почти четырехсотлетнюю историю, и восходят они к 1618 году, когда «русский посланник Иван Петлин сотоварищи впервые посетил Китай с целью государство их проведать и царя их видеть» [3, с. 84]. По мере развития разносторонних межгосударственных

отношений (дипломатических, торгово-экономических и культурных, прежде всего миссионерских), получивших свое закрепление в знаменитом Нерчинском договоре 1689 года, стало наблюдаться и естественное проникновение в жизнь русского общества предметов материальной культуры Китая; наряду с этим стал возрастать интерес русской читающей публики к этой далекой, практически неизвестной стране, к ее истории, географии, климату, к ее людям. Этот сложный, многогранный исторический процесс нашел свое специфическое отражение и в русской художественной литературе XVIII–XX веков [2]. Китайская тематика входила в русскую литературу постепенно, неравномерно, но все-таки естественно и закономерно. Что следует понимать под определением «китайская тематика в русской литературе?». В самом общем значении – это включение, точнее сказать включенность в тексты художественных произведений самых разнообразных реалий, связанных с историей Китая, предметами материальной и духовной культуры этой страны.

В творчестве русских писателей XVIII – первой половины XIX века (А. Кантемир. М. Ломоносов, А. Сумароков, А. Пушкин, А. Грибоедов, И. Крылов, Н. Гоголь и ряд других малоизвестных писателей) китайская тематика носила преимущественно умозрительный характер, являясь лишь косвенным, но объективным отражением самого исторического процесса периода развития и становления межгосударственных отношений России и Китая. Никто из названных писателей в Китае не был. Китайская атрибутика (название самой страны – Хинское государство, Китайская страна, Китай; предметы материальной культуры – бумага, шелк, фарфор, компас, порох, зонтик, «китайка» (ткань, материя), шелковые обои и многое другое; имена китайских императоров – Ван-Ли, Кан-Хий; имя философа Конфуций; наконец – неизменная Китайская стена) включалась в систему изобразительно-выразительных средств художественного повествования в одах, стихах, повестях, пьесах...

Знаменательным событием в художественно-литературном освоении китайской тематики стали путевые очерки Ивана Александровича Гончарова «Фрегат “Паллада”» (1855–1858). Автор известных романов «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» был первым и единственным русским писателем XIX века, который побывал в Китае. В 1852 г. И. Гончаров жил и работал в Петербурге. В это время российское правительство предпринимает активные меры по установлению торговых отношений с Японией и с этой целью снаряжает большую морскую экспедицию во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным. Для экспедиции был нужен грамотный человек на должность секретаря Путятина. И таким человеком оказался автор уже известного романа «Обыкновенная история», скромный чиновник департамента внешней торговли Министерства финансов И. Гончаров. Определиться на эту должность помог Гончарову А. Майков, известный на то время русский поэт и близкий товарищ Гончарова. Уже через полгода коллежский асессор Иван Гончаров зачисляется в личный состав «Паллады» и отправляется в далекое, почти кругосветное путешествие, которое длилось два с половиной года – с октября 1852 по февраль 1855 года [1, с. 3–60]. Все это время И. Гончаров ведет подробные записи в специальном судовом журнале и по возвращении на родину пишет большую двухтомную книгу очерков путешествия

«Фрегат “Паллада”». Одна из глав этой книги называется «Шанхай». В Шанхае русская экспедиция пробыла чуть более четырех месяцев. За это время Гончаров побывал практически во всех уголках этого большого города и написал очень яркую картину народного быта китайцев в самых разнообразных формах ее проявления.

И. Гончаров предстает не только как тонкий художник-натуралист, умевший видеть и запечатлеть подробности повседневного быта простых китайских тружеников, передать особенности их ментальности, но и как художник-реалист, способный к значительным социально-психологическим обобщениям. Главное, что ощутимо на протяжении всей этой главы, – это проявление искренних чувств уважения, доброжелательности и взаимных симпатий как со стороны самого писателя к китайцам, так и со стороны китайцев к Гончарову и его русским товарищам – офицерам и матросам фрегата «Паллада». Поражает умение писателя нарисовать общий, коллективный образ китайцев, который складывается из суммарных черт «безликого народа» и индивидуальных личностных черт характера конкретного человека: «Китайцы – живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь. Шум, суматоха, движение, крики и говор. На каждом шагу попадаются носильщики. Они беглым и крупным шагом таскают ноши, издавая мерные крики и выступая в такт... Здесь народ... смирен, скромен и очень опрятен. Все мужики и бабы одеты чисто, и запахов разных меньше по улицам...

Несет ли носильщик груду кирпичей, они лежат не непосредственно на плече, как у нашего каменщика... У него на плечах лежит бамбуковое коромысло, которое держит две дощечки в виде весов, и на дощечках лежат две кучи красиво сложенных серых кирпичей. С ним не страшно встретиться. Он не толкнет вас, а предупредит мерным своим криком, и если вы не слышите, или не хотите дать ему дороги, он остановится и уступит ее вам... Костюм носильщика, коса его и легко надетая шапочка из серого тонкого войлока, отороченная лентой или бархатом, – все это чисто и даже картинно. Навес и лавки покрыты чистыми циновками» [1, с. 395–396].

Строгий документально-деловой стиль повествования у Гончарова постоянно перемежается с теплым юмором, доброй улыбкой, которые вызываются увиденными картинами городского быта: «Тут цирюльник с небольшим деревянным шкапчиком, где лежат инструменты его ремесла, раскинул свою лавочку, поставил скамью, а на ней расположился другой китаец и сладострастно жмурится, как кот, в то время как цирюльник бреет ему голову, лицо, чистит уши, дергает волосы»; «на нас бросились лаять собаки, а на них бросилась старая китаянка унимать...». Подобных сценок в очерке «Шанхай» – многие десятки, и они передают в своей совокупности жизнерадостный нрав китайцев. О трудолюбии и мастеровитости китайцев Гончаров рассказывает с особой любовью: «...не знаешь, чему удивляться: работе ли китайца, или бесполезности вещи? Например, они на коре грецкого ореха вырезают целые группы фигур в разных положениях, процессии, храмы, дома, беседки, так что вы можете даже различать лица... Мало того, они вырежут вам джонку со всеми принадлежностями, с людьми... мало того, сделают дверцы или окна, которые открываются, и там сидит человеческая фигура» [1, с. 398].

Отличительной особенностью очерков «Фрегат “Паллада”» следует назвать их этнографизм, то есть подробное описание быта, нравов и предметов материальной культуры китайцев того времени. Причем отделить одно описание от другого невозможно: все предстает в динамике, движется людским потоком, переливается всеми цветами и звуками самой жизни. Таков, например, китайский базар: «Знаете ли, чем был поражен мой первый взгляд? какое было первое впечатление? Мне показалось, что я вдруг очутился на каком-нибудь нашем московском толкучем рынке... Разница в подробностях: у нас деготь и лыко – здесь шелк и чай, у нас груды деревянной посуды – здесь фарфор...

Длинные, бесконечные крытые переулки, или, лучше сказать, коридоры, тянутся по всем направлениям и образуют совершенный лабиринт... Но китайская простонародная кухня обилием блюд, видом, вонью и затейливостью перещеголяла нашу. Народ группами сидит за отдельными столами, как и у нас в харчевнях. Из маленьких синих чашек, без ручек, пьют чай: сахару нет и не употребляют его с чаем...

Чего тут только нет! лепешки из теста лежат натуральные, потом, по востребованию, опускаются в кипяток и подаются через несколько минут готовые... Есть и оладьи, и жареная свинина, и пирожки... а есть чего поглядеть! Море, реки, земля, воздух спорят здесь, кто больше принес в дар человеку...» [1, с. 399].

Как художник-реалист и подлинный психолог, И. Гончаров умеет за внешними картинками быта разглядеть и описать полные драматизма чувства человека, его страдание, горе или отчаяние. Однажды автору пришлось наблюдать похороны в китайской деревне: «Вдали шла похоронная процессия: носильщики несли... сундук не сундук – гроб, сказал кто-то. За гробом шло несколько женщин, все в широких белых платьях, повязанные белыми же платками, несколько детей и собака. Носильщики поставили гроб, женщины выли, или “вопили”, как говорят у нас в деревнях. Четыре из них делали это равнодушно, как будто по долгу приличия, зато пятая, пожилая, заливалась горькими слезами... Рыдая, она что-то причитала, мы, конечно, не понимали слов, но язык скорби один везде – она бросилась на гроб, обнимала его руками, клала на него голову, на минуту умолкала, потом со стоном начинала опять свою плачевную песнь» [1, с. 417].

Как гражданин и как писатель Гончаров придерживался либерально-демократических взглядов, он никогда не прибегал к открытым осуждениям социальных пороков ни в своей стране, ни тем более – в других странах. Тем не менее, в очерках «Фрегат “Паллада”» (особенно в очерке «Шанхай») Гончаров поставил ряд острейших социально-политических и геополитических проблем, касавшихся судеб Китая и его народа середины XIX века: это движение инсургентов (китайских повстанцев) и жесточайшее подавление тайнинского народного восстания 1850–1864-го годов, это две опиумные войны (англо-китайская 1840–1842 годов и англо-франко-китайская 1856–1860-го годов), это борьба Англии, Франции, Германии, России и Японии за территории Китая, наконец, это внутренняя борьба правящих политических сил в самом Китае.

Разумеется, что ни одна из этих проблем не могла стать предметом широкого художественного изображения со стороны русского писателя, тем более

в рамках жанра путевых очерков. Но то, что Гончаров поставил эти проблемы и сделал их достоянием широкой общественности, уже было большим событием и в истории русской литературы, и в развитии исторических знаний о Китае и китайцах.

Библиографические ссылки

1. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия : [Текст] / И. А. Гончаров // – М.: Гос. изд-во географ. лит., 1951. – 688 с.
2. Коновальчук Ю. В. Китайская тема в русской литературе [Текст] / Ю. В. Коновальчук // Філологічні науки. Зб. наук, праць викладачів фак-ту. – Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – С. 36–41.
3. Коновальчук Ю. В. Китайская тематика в творчестве А. С. Пушкина : [Текст] // Русск. яз., литература, культура в шк. и вузе. – 2009. – № 3-4. – С. 29–34.
4. Коновальчук Ю. В. Методические указания к изучению спецкурса «Китайская тематика в русской литературе» : [Текст] / Ю. В. Коновальчук. – Дніпропетровськ: РВВ ДНУ, 2010. – 26 с.
5. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года [Текст] / П. Т. Яковлева. – М.: АН СССР, 1958. – 216 с.

Надійшла до редколегії 25.04.11

УДК 821. 133. 1 – 3 де Бовуар. 09

С. К. Криворучко

м. Харків

ЕКЗИСТЕНЦІАЛІСТСЬКИЙ УМОНАСТРІЙ РОМАНУ «МАНДАРИНИ» СІМОНІ ДЕ БОВУАР

Розглядається, як С. де Бовуар у романі «Мандарини» намагається пізнати людське існування, яке виявляється у свідомості героїв твору.

Ключові слова: С. де Бовуар, екзистенціалізм, художній образ.

Рассматривается, как С. де Бовуар в романе «Мандарины» стремится познать человеческое существование, раскрывающееся в сознании героев произведения.

Ключевые слова: С. де Бовуар, экзистенциализм, художественный образ.

The article reveals how S. de Beauvoir aspires to cognize the human existence that is showed in the character's consciousness in the novel «Tangerines».

Key words: S. de Beauvoir, existentialism, image.

Французька письменниця Сімона де Бовуар (1908–1986) у романі «Мандарини» 1954 р. намагається пізнати людське існування таким, яким воно виявляється у свідомості героїв твору. Отже, провідною екзистенціалістською проблемою, навколо якої зосереджується розгортання конфліктів, мотивів та ідей, виявляється індивідуальна свідомість або буття особистості, яке письменниця розгортає у художніх образах (Ганна, Робер, Анрі). В образі Ганни – однієї з головних героїнь роману – впроваджуються екзистенціалістські пошуки С. де Бовуар. Дослідниця О. М. Євніна [3] вважає французький екзистенціалізм філософською базою модернізму, яка остаточно сформувалася у середині ХХ ст. Провідними постулатами екзистенціалізму дослідниця визначає суб'єктивний ідеалізм та індивідуалізм, які формують у творах стихію суто особистісного, виключного, хворобливого і патологічного. Письменницький пошук відбувається в аналізі «долі» із її позачасовим сенсом життя. Як модерний феномен екзистенціалізм намагається